

и побѣдила его, — явилась не только во образѣ со-
блазвившей его Марьи, но и въ кроткомъ, смирен-
номъ обликѣ Пашеньки. Вѣщій голосъ послалъ его
къ Пашенькѣ, къ той, кто служить Богу среди лю-
дей и черезъ людей, кто осуществляетъ добро не
въ монастырѣ, а въ міру, и кто творитъ этимъ сти-
хійную волю естества. Природа не дьяволь; она не
только Марья, но и Пашенька. И оттого Сергій,
теперь больше отецъ Сергій, чѣмъ прежде, при-
шелъ къ ней, къ этой первой и послѣдней инстан-
ціи, къ природному сердцу человѣческому, и жало-
стно дрогнувшими губами сказалъ ей: „Пашенька,
я къ тебѣ пришелъ, прими меня!“

Отъ всяческихъ монастырей, отъ догматической
скованности, отъ опредѣленныхъ тенденцій неволь-
но уходилъ и Толстой на широкіе просторы сво-
боднаго творчества, и до послѣднихъ дней своихъ
онъ дарилъ насъ образами живой человѣческой кра-
соты. Мы видѣли, что этимъ Толстой преодолевалъ
и самое толстовство. Онъ старался, въ своемъ ка-
чествѣ мыслителя, быть Сократомъ, онъ рациона-
лизировалъ жизнь, и, въ противорѣчіе самому себѣ,
какъ художнику, на утломъ челнокѣ теоріи, интел-
лекта, мечталъ онъ переплыть океанъ міровой слож-
ности. Но Сократъ не любилъ природы, и это
было для него такъ послѣдовательно; а Толстой,
возлюбленный и любящій сынъ природы, наоборотъ,
только въ силу непослѣдовательности, по недоразумѣ-
нію, могъ свою художническую геніальность мѣ-